

Капитохина Елена,
8-968-528-09-39
perechenuga@mail.ru

Имре Барток. Стройся, Иерихон! (отрывок).

Вот ещё один ничем не примечательный полдень. После затмения лето успокоилось, празднично пролетает год за годом, а я безвылазно сижу дома. Обитаю я в триединстве гостиной, кухни и своей раскладушки. Комната моя захламлена, в ней обитают души изношенных штанов. Заняться мне нечем, но кругом куча дел. Вчера кто-то снова пришёл в себя. Нацепив тапки, я осторожно переступаю через осколки стекла, разглаживаю обивку дивана, сажусь перед телевизором. Поток информации невозможно остановить. В это время транслируют гастрономическое шоу. Мы идём по Китаю — стране особых акцентов, разнообразных блюд, Гутенберга¹ и гораздо более развитых СМИ, чем у нас. Ведущий программы посещает завод по производству китайских пельменей. Фабрика прячется в огромном каньоне, этаким настоящим городом-монстром с нагромождением силосных башен. Из десятков ангаров тысячи дымоходов и труб маслянистого цвета штопором вкручиваются в грязное от смол небо. Для пущей достоверности ведущий, Станиславский от журналистики, и сам пробует слепить шарики из теста: личные впечатления всегда захватывают зрителей. Засучив рукава, он присаживается за рабочий стол. Ему показывают, как это просто: вылепляют из двух крохотных кусочков теста кармашек, на одну сторону намазывают начинку, второй накрывают сверху, нажимают, вдавливают начинку внутрь и залепляют отверстие. Только и всего? Ага, проще некуда. Сейчас ведь год обезьяны... К этому моменту даже наш телевизор стал выдыхать густые пары с ароматами каких-то специй, извергнутые его электронно-лучевыми трубками из щелей в кофейно-коричневом корпусе. Пары заполнили всё пространство вокруг домашней святыни: с одной стороны забрались в столпившиеся в баре пустые бутылки, с другой окутали полку дряхлеющих день ото дня виниловых пластинок. Я один дома, постоянно один, никого здесь нет, все где-то. Сестра моя в другом городе — и летом, и когда учится и ходит в свой университет, другая сестра до сих пор в школе, или гуляет с друзьями, или просто сидит на пристани, свесив ноги над вспенившимся Дунаем. Мама тоже нет, отец спит или где-то работает, но что ему делать дома, думаю я, как можно отдыхать, совершая пробежку домой в обеденный перерыв?..

¹ Гутенберг (Gutenberg) – китайский элитный чай из провинции Юньнань. Здесь и далее примечания переводчика.

Я мог бы вообразить на этой фабрике и Пилински²: в белом фартуке ему бы очень пошло накладывать начинку на выглаженный кусочек теста и с восторженными всхлипами заверять слушателей, как он счастлив. Б-г стоит перед воротами в рай и проталкивает внутрь заходящих туда. И когда не останется никого и ничего, нечего будет человеку делать, нечего нарезать и лепить. Исчезнут не отдельные вещи, а вообще *присутствие*... Прозрение это явилось и разорвалось посреди захламлённой комнаты в самый разгар уборки, пока музыка Баха не смогла убедить меня в обратном, а точнее, в том, что на самом деле *присутствие* – не конкретная точка, зажатая между нависшими над ней с разных сторон ожиданиями и воспоминаниями, а что-то вязкое, размытое, вот как это приготовление шариков из теста, подразумевающее длительный процесс и прилагаемые усилия. Потому-то именно делая что-нибудь все мы можем *присутствовать* в этом мире. Бах, далёкий Китай и стихи о жертвах газовых камер – всё это неразрывно связано друг с другом.

Около получаса ведущий лепит шарик пельмешек. Скатывает в ладонях маленький комочек, и я уже начинаю думать, что же у него получится. Положит он прямо на сырое тесто соевые ростки и, пожалуй, даст кому-нибудь попробовать, а затем сам же раскритикует своё творение. Когда же он интересуется наиболее эффективным сотрудником фабрики, его подводят к очаровательному молодому созданию. Девушка в белоснежном платье склоняется над столом и, совершая длинными гибкими пальцами неуловимые глазу движения, лепит пельмешек за пару секунд. Неотрывно за ней следя, ведущий начинает напоминать Ставрогина³.

— Сколько пельмешков она может вылепить за день? — интересуется он, а синхронист переводит его вопрос. Всё так просто, сейчас год обезьяны, в мире полно переводчиков, между нами нет никаких стен, только толпы журналистов снуют туда-сюда в своих микроавтобусах, неумолимо развозя тонны информации. Проломив все стены, они собирают знания из самых отдалённых уголков мира. — Сколько пельмешков ты, сучка, наделала? — задыхаясь пыхтит ведущий, Ставрогин, или нет, сейчас уже не Ставрогин — Чикатило⁴. — Семь-восемь тысяч, — отвечает девушка, не поднимая глаз. — И о чём ты думаешь, пока лепишь? — звучит следующий вопрос, после которого в Народной Республике воцаряется тишина.

Камера пульей вылетает из цеха. Над фабрикой кружат чайки. Прячущиеся в округе дети пытаются вскарабкаться на монстра.

² Вероятно, имеется ввиду Янош Пилински, венгерский поэт, 1921-1981, «летописец» ужасов Второй Мировой войны. В своих стихотворениях, как и герой Бартока, он не раз вспоминал Достоевского.

³ Николай Ставрогин – главный герой романа Ф. Достоевского «Бесы».

⁴ Андрей Чикатило — советский серийный убийца, насильник, педофил, некросадист, некрофил и каннибал.

Подобно Атрейдесам⁵ они ловят гигантских червей, и стоя на коленях, метко пронзают их насквозь. В недрах фабрики скрывается ещё один цех, языковая афера продолжается. Девушка — волшебный сад чувств. Сколько тайн, сколько вопросительных знаков, сколько стрелянных гильз рассыпано в пыли под ногами, и все они, соперничая, ждут, чтобы на них посмотрели. Может быть, как раз таки стрелы Клее⁶ и призваны усмирить эту конкуренцию, чтобы ни один из элементов картины, не остался без внимания, а связь с соседними не была нарушена.

Счастливец, которому удалось взобраться на вершину фабрики, балансируя по трубам, из рогатки стреляет в птиц.

Пока я раздумываю обо всём об этом, вступает девушка. Голосок у неё тонкий, эфирное масло в канале, однако звучит отчётливо. Пара сотен маленьких пельмешков колыхаются на крыше, приготавливая свои рогатки. Судя по всему, это диверсия.

Я размышляю об их операции. Снаряды-камушки наготове. Продолжаю размышлять. Резинки гранатомётов натянуты. Я размышляю о том, как бы я мог работать ещё эффективнее.

Камера снова заползает в цех, Ставрогин-Чикатило глядит на девушку, переводчик глядит на Ставрогина, спрашивая, хочет ли тот что-нибудь добавить. Программа подходит к концу. За моей спиной открывается дверь, кто-то входит и садится, не рядом, а в кресло, и оттуда тоже вглядывается в экран, подозревая, что пропустил что-то интересное. Но теперь всё повторяют, посмотрит после повтор. А сейчас — реклама, ещё одно *присутствие*, на сей раз это страстная, но безболезненная игра. Смотрите далее: «Уникальные останки и карьеры».

⁵ Династия Атрейдесов — персонажи фантастического цикла о планете Дюна Фрэнка Герберта.

⁶ «Летающие птицы и стрелы» — картина Пауля Клее, немецкого и швейцарского художника-абстракциониста